

Благоприятствование защите (*favor defensionis*) и сокращенные формы уголовного судопроизводства: отдельные проблемы и способы их решения

Соловьев Сергей Александрович,
адвокат, управляющий партнер
адвокатского бюро города Москвы «Сословие»
soloviev@soslovie-ab.ru

Процессуальный механизм благоприятствования защите и его проявление при ускоренных формах отправления правосудия. Необходимость внесения изменений в уголовно-процессуальное законодательство, регламентирующее в том числе особые порядки уголовного судопроизводства, с учетом «усеченного» характера действия принципов уголовного судопроизводства при их применении в ускоренных производствах, в целях минимизации отрицательных последствий сокращения гарантий прав и свобод подозреваемого, обвиняемого и подсудимого.

Ключевые слова: уголовный процесс, принципы судопроизводства, благоприятствование защите, ускоренные виды отправления правосудия, презумпция невиновности, право на защиту, явка с повинной.

Favor of the Defense (*favor defensionis*) and Abridged Forms of Criminal Judicial Procedure: Particular Issues and Ways of Their Settlement

Soloviev Sergey A.,
Lawyer, Managing Partner
of "SOSLOVIE" Law Firm of the City of Moscow

The procedural mechanism of favour defence and its manifestation in accelerated forms of justice. The necessity for implementing changes in criminal procedure legislation, including special procedures of criminal proceedings, taking into account the "truncated" nature of criminal justice principles in their application to accelerated proceedings, in order to minimize negative impact of reduction of the guarantees of the rights and freedoms of the suspect, accused or defendant.

Key words: criminal process, judicial principles, favoring the defense, accelerated forms of justice, the presumption of innocence, right to defense, voluntary surrender.

Требования ч. 3 ст. 123 Конституции РФ, регламентирующие осуществление судопроизводства на основе состязательности и равноправия сторон, не имеют каких-либо изъятий, допустимых в случаях использования для отправления правосудия институтов «ускоренного производ-

ства»¹. Это постулирует, что применение таких видов производств не может являться обоснованием для сокращения гарантий

¹ См. подробнее: Качалова О.В. Теоретические основы ускоренного производства в Российской уголовном процессе. М.: Юрлитинформ, 2015. С. 13.

прав и свобод лиц, привлекаемого к уголовной ответственности.

Преобладание публичного интереса над частным при отправлении правосудия путем применения «ускоренного производства» отмечается многими правоприменителями², что, с учетом смешанного типа построения уголовного процесса в России, должно, безусловно, иметь компенсационные механизмы, заключающиеся в усилении гарантий соблюдения принципов отправления правосудия при реализации таких сокращенных процедурных форм³.

По нашему мнению, введение в ткань действующего уголовно-процессуального законодательства нормативно закрепленного процессуального механизма благоприятствования защиты могло бы стать таким компенсационным механизмом, объективно позволяющим преодолевать «естественное неравенство сторон» в процессе.

Сквозной характер этого процессуального феномена позволяет отнести благоприятствование защиты к категории общепроцессуальных принципов, являющихся основой для всей системы уголовного производства⁴, а также у данной идеи достаточный масштаб⁵, дающий право конструировать *favor defensionis* в качестве принципа отечественного уголовного судопроизводства.

Благоприятствование защиты как принцип уголовного судопроизводства — тема другой работы. В этой статье рассматривается иная проблема, а именно насколько предусмотренные УПК РФ ускоренные производства отвечают отдельным элемен-

там процессуального механизма благоприятствования защиты, который пока и не сформулирован нормативно, но который и в действующем уголовно-процессуальном законе имеет целый набор составляющих его компонентов.

В современной теории благоприятствование защиты принято рассматривать как процессуальную конструкцию, регламентирующую дополнительные гарантии правам стороны защиты, предоставляемые законодателем сверх механического уравнивания полномочий сторон⁶, а еще А.С. Александров отмечал, что принципы уголовного процесса могут быть только идеи, обладающие свойством процессуальной конструктивности⁷.

Положения, концептуально оформляющие понятие презумпции невиновности, безусловно, относятся к конструктивным элементам благоприятствования защиты. В частности, процессуальное учение о бремени доказывания (ч. 2 ст. 14 УПК РФ) сформулировано исключительно в контексте благоприятствования защиты и состоит в освобождении подозреваемого или обвиняемого от обязанности доказывать свою невиновность.

В то же время в ч. 2 ст. 317.1 УПК РФ, регламентирующй порядок заявления ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, определено, что при заявлении данного ходатайства подозреваемый или обвиняемый **указывает**, какие действия он обязуется совершить в целях содействия следствию в раскрытии преступления, изобличении и уголовном **преследовании** (курсив — авт.) других соучастников преступления, розыске имущества, добытого в результате преступления. Такое построение процессуальной нормы, помимо перенесения на обвиняемого бремени доказывания существа выдвинутого против него же публичного обвинения (материалный момент), предусматривает обязанность этого лица доказать возможность заключения с ним досудебного соглашения (процессуальный момент).

² См.: Курченко В.И. Ошибки при рассмотрении уголовных дел в случае наличия досудебного соглашения о сотрудничестве // Уголовный процесс. 2012. № 3. С. 10–19; См.: Качалова О.В. Указ. соч. С. 124.

³ Автор не предлагает новую терминологию и дефиниции ускоренных производств в данной статье. Различные их синтаксические обозначения обусловлены лишь нежеланием усугублять повторами текст работы.

⁴ Цит. по: Принципы совершенного российского уголовного судопроизводства: монография / коллектив авторов, науч. ред. И.В. Смолькова, отв. ред. Р.В. Мазюк. М.: Юрлитинформ, 2015. С. 20.

⁵ См.: Томин В.Т. Уголовный процесс. Актуальные проблемы теории и практики. М.: Юрайт, 2009. С. 117.

⁶ См.: Михеенкова М.А. Благоприятствование защиты (*favor defensionis*) и его проявление в современном уголовном процессе: монография. М.: Юрлитинформ, 2014. С. 38.

⁷ См. Александров А.С. Принципы уголовного судопроизводства // Правоведение. 2003. № 5. С. 165.

При этом и в ч. 3 ст. 317.1, и в части 1 ст. 317.2, и в части 3 ст. 317.6 УПК РФ законодатель предоставил следователю, прокурору и суду дискреционные полномочия по рассмотрению такого ходатайства, что помимо обременения в доказывании собственной вины (a priori противоречащего человеческой природе) и вины иных соучастников на привлекаемого к ответственности возлагается бремя соответствовать субъективным представлениям следователя, прокурора и суда о полноте, качестве, количестве и уголовно-правой ценности его показаний и действий, совершенных в рамках предусмотренной законом ускоренной процедуры судопроизводства.

Дискреция в полномочиях при рассмотрении ходатайств о применении особого порядка отправления правосудия полностью нивелирует те возможные процессуальные гарантии, которые, по мнению ряда ученых⁸, обусловлены исключительным правом подозреваемого или обвиняемого на инициацию такой формы судопроизводства, так как само право на такую инициацию не создает этому лицу заведомых и исключительных преимуществ, а, напротив, может существенным и, что важно, отрицательным образом оказаться на его судьбе, так как непринятое по тем или иным субъективным основаниям уполномоченным органом его ходатайство не лишает доказательственного значения те признательные показания, которое дало привлеченное лицо в надежде на удовлетворение его заявления об особом порядке рассмотрения дела.

Можно ли в этой связи говорить о соблюдении в широком смысле принципа презумпции невиновности как основополагающего элемента процессуального механизма благоприятствования защиты при ускоренных формах судопроизводства, когда опасность неудачи в деле установления право-важного обстоятельства⁹ целиком и полностью лежит на подозреваемом или обвиняемом¹⁰?

⁸ См.: Качалова О.В. Указ. соч. С. 126.

⁹ См.: Яблочкив М.Т. «Бремя утверждения» (opus proferendi) в гражданском процессе. Петроград, 1916. С. 5.

¹⁰ См.: Качалова О.В. Доказывание при сокращенной форме дознания // Уголовный процесс. № 6. 2013. С. 32–36.

Все это только стимулирует элемент недобросовестности во взаимоотношениях привлекаемого лица, с одной стороны, и органа расследования, с другой. И если раньше стремление в получении признательных показаний давало органу расследования только определенную уверенность в обвинительном приговоре по делу, то сейчас, при дополнительных действиях, направленных на склонение лица к принятию ускоренной формы судопроизводства, органы расследования фактически гарантируют себе позитивно-желаемый обвинительный результат при судебном рассмотрении не только дела в отношении того, кто сам согласился на ускоренные формы отправления правосудия, но и в отношении иных лиц, не заявлявших подобных ходатайств и отстаивающих иную позицию по делу.

Так, в Калининградской области по делу в отношении граждан М., С. и Б. с последним было заключено досудебное соглашение, в рамках которого он «обязался» изобличить граждан М. и С. в организации и совершении в соучастии с ним умышленного убийства двух лиц. При этом обстоятельства задержания Б. с применением спецоперации в Кабардино-Балкарии, доставление его в Калининград с неожиданной «утерей» сотрудниками правоохранительных органов всех ранее изъятых у гр. Б. сотовых телефонов, очевидно, свидетельствовали об отсутствии у данного лица реального желания какого-либо сотрудничества со следствием.

Дополнительные сомнения в добровольности такого «сотрудничества» были обусловлены существенными противоречиями между показаниями Б. и установленными фактическими обстоятельствами (гр. Б. на месте происшествия неправильно указал расположение тел погибших после его же выстрелов; не смог объяснить наличие на месте происшествия следов выстрелов, превышающих количество патронов, помещающихся в один магазин автомата; неправильно назвал цвет и отличительные признаки мотоцикла, на котором якобы приехал на место происшествия и который он сам покупал в Калининграде за несколько месяцев до прошедшего). Кроме этого, на обнаруженных в ходе расследования объектах, определяемых органами расследования как принадлежащих

непосредственно гражданам Б., М. и С., был обнаружен биологический материал, который не мог произойти ни от одного из указанных лиц¹¹.

Но даже при таких обстоятельствах дело в отношении Б. было рассмотрено Калининградским областным судом с применением ускоренных форм судопроизводства, причем рассмотрено ранее, чем в отношении остальных лиц, хотя первоначальность рассмотрения дел в отношении лиц, не заявивших об особых порядках, является важной составляющей законности выносимых судебных решений¹².

В последствии дело в отношении гр. М., «изобличенного» в рамках заключенного досудебного сотрудничества гр-ном Б., было рассмотрено судом с участием коллегии присяжных заседателей, которые в полном объеме оправдали М., несмотря на показания допрашиваемого в качестве свидетеля гражданина Б., продолжавшего выполнять свои обязанности по изобличению М. как организатора данного преступления¹³.

Приведенный пример свидетельствует, что действие принципов уголовного судопроизводства при применении ускоренных производств имеет существенные ограничения и изъятия. Все это в текущей право-применительной практике происходит при отсутствии каких-либо нормативно-закрепленных оговорок этому обстоятельству и без учета справедливого утверждения И.Б. Михайловской, что «принцип не может полностью утрачивать свое значение

на любой стадии процесса, формы его действия могут быть различными, но тем не менее принцип всегда будет неким ориентиром в выборе средств для достижения желаемой цели»¹⁴.

Под процессуальным прикрытием гл. 40 и 40.1 УПК РФ выносятся решения, не отвечающие ни принципу независимости судей, так как в этих процессуальных условиях «суд вынужден довольствоваться доказательствами, сформированными одной стороной — обвинением»¹⁵, ни принципу свободы оценки доказательств, так как ускоренные формы судопроизводства не предусматривают какого-либо исследования и оценки доказательств, ни принципам, составляющим конструктивную основу процессуального механизма благоприятствования защите — презумпции невиновности и состязательности сторон.

В особенности такое отрицание этих принципов становится критично при ситуации, связанной с заключением досудебного соглашения о сотрудничестве, так как в отличие от гл. 40 УПК РФ действие процессуальных норм, составляющих гл. 40.1 УПК РФ, начинается задолго до завершения расследования по делу и касается прав и свобод не только лица, уже привлеченного к ответственности, но иных лиц, часто еще фактически не вовлеченных в орбиту уголовного судопроизводства.

Презумируя сквозной характер действия процессуального механизма *favor defensionis*, его проявление при ускоренных формах отправления судопроизводства должно выражаться в дополнительном усилении гарантий от необоснованного осуждения лиц, добровольно согласившихся признать свою вину и желающих заключить досудебное сотрудничество с органом расследования.

Волевой элемент желания сотрудничества лица со следствием должен иметь процессуально-документальное подтверждение, исключающее какое бы то ни было

¹¹ Из архива Калининградского областного суда, дело в отношении М. № 2-14/2013 // Из адвокатской практики автора.

¹² См.: Курченко В.Н. Указ. соч. С. 16; Зуев Ю.Г. Обжалование процессуальных решений по делу в связи с наличием досудебного соглашения о сотрудничестве // Уголовный процесс. 2012. № 3. С. 20–27.

¹³ Приговор Калининградского областного суда от 28 ноября 2013 г. по делу М-ко., дело № 2-14/2013 // Из адвокатской практики автора. Здесь стоит отметить тот факт, что гражданин Б. был задержан органами следствия на 3 месяца позже, чем гражданин М., однако его дело уже через 6 месяцев после задержания было в суде, в то время как мера пресечения гражданину М. в виде заключения под стражу по данному делу была избрана только спустя 1 месяц после вынесения в отношении гр. Б. приговора в особым порядке.

¹⁴ См.: Михайловская И.Б. Цели, функции и принципы российского уголовно-судопроизводства [уголовно-процессуальная форма]. М., 2003. С. 117–118.

¹⁵ См.: Лазарева В.А. Вопросы доказывания в свете идеи формирования института следственных судей // Библиотека криминалиста. Научный журнал. М.: Юрлитинформ. 2015. № 4 (21). С. 21.

воздействие на это решение со стороны органов власти. Для достижения этого ст. 142 УПК РФ необходимо дополнить ч. 3 следующего содержания: «Только лицо, самостоятельно явившееся в правоохранительные органы и официально оформившее явку с повинной, имеет право на возможность рассмотрения его дела с применением требований гл. 40 и 40.1 УПК РФ. Лицо, в отношении которого избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, но желающее сделать заявление о явке с повинной, получает право на рассмотрение его дела в особом порядке только в том случае, если сведения, сообщенные им, не будут иметь отношения к делу, по которому в отношении этого лица избрана мера пресечения».

Предлагаемая конструкция процессуальной нормы станет барьером для нарушения воли лица при принятии им решения о признании вины и о желании рассмотрения его дела в ускоренном производстве, а также поможет приостановить безудержный рост дел, рассматриваемых в особом порядке при отсутствии очевидных факторов, свидетельствующих о существенном улучшении качества расследования¹⁶.

Кроме этого, в рамках процессуального механизма благоприятствования защиты необходимо путем нормативного изменения ст. 74 УПК РФ установить, что показания подозреваемого и обвиняемого, данные ими на досудебных стадиях уголовного судопроизводства, могут быть использованы только как сведения, сообщаемые подозреваемым или обвиняемым для защиты от возникшего подозрения или предъявленного обвинения.

Л.Е. Владимиров утверждал, что «собственное признание только тогда влечет процессуальные последствия, когда оно дано на суде»¹⁷, а Н.А. Терновский добавлял, что «только допрос в суде может считаться полной гарантией того, что признание дано непринужденно и чистосердечно, что подсудимого никто не теснит, не пытает,

¹⁶ По данным сайта судебного департамента при ВС РФ за 2014 год при применении ускоренных производств рассмотрено 64,2% от общего количества дел, рассмотренных всеми судами РФ // Сайт судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2883>

¹⁷ Владимиров Л.Е. Указ. соч. С. 330.

не склоняет лгать на себя и на других, обещая за это всевозможные выгоды»¹⁸.

Пункт 1 ч. 2 ст. 74 УПК РФ в этой связи следует изложить в следующей редакции: «в качестве доказательств допускаются ... показания подсудимого, данные им в ходе состязательного судебного разбирательства при рассмотрении уголовного дела по существу», а в рамках ускоренных производств (ст. 316 и 317.7. УПК РФ) необходимо предусмотреть:

— возможность защитника допросить своего подзащитного по существу обвинения для выяснения соответствия признания подсудимого объему и квалификации предъявленного обвинения;

— нормативно установить обязанность стороны государственного обвинения представить суду доказательства, полученные органом расследования и подтверждающие обвинение, путем оглашения протоколов следственных действий, показаний лиц и т.д. Такой подход будет отличаться от устного и непосредственного исследования доказательств судом при общем порядке, однако он будет иметь позитивное отличие и от настоящего процессуального механизма, который ради снижения социальных и материальных издержек в судопроизводстве¹⁹, ради ресурсосберегающих правил процедуры²⁰ полностью отказался от исследования доказательств при ускоренных производствах;

— предоставить суду право принятия решения об особом порядке судебного разбирательства, а равно о признании добровольного поведения подсудимого на досудебной стадии как сотрудничества с органом расследования, влекущим за собой применение при рассмотрении дела требований гл. 40 и 40.1 УПК РФ;

— нормативно закрепить право суда на изменение квалификации предъявленного обвинения в том случае, если это не ухудшает положение подсудимого и не из-

¹⁸ Терновский Н.А. Юридические основания достоверности доказательств. 1901 год. Тула // Цит. по: М.: Зерцало. 2007. С. 132 // СПС «Гарант».

¹⁹ См.: Петрухин И.Л., Батуров Г.П., Морщакова Т.Г. Теоретические основы эффективности правосудия / отв. ред. Г.П. Батуров. М.: Наука, 1979. С. 185.

²⁰ См.: Стойко Н.Г. Уголовный процесс западных государств и России. СПб., 2006. С. 79.

меняет фактических обстоятельства дела, без отказа подсудимому в рассмотрении его дела в особом порядке;

— в рамках реализации процессуального механизма благоприятствования защите установить нормативный запрет на рассмотрение дела с применением гл. 40.1 УПК РФ в том случае, если лица, в отношении которых подсудимый дал изобличающие показания, находятся врозыске. При таких обстоятельствах стоит согласиться с мнением А.С. Александрова, упомянутого, что Уголовный кодекс в качестве условия для применения положений ч. 2 и 4 ст. 62 обязательного проведения судебного разбирательства в особом порядке не требует²¹, а, следовательно, судья вправе провести судебное разбирательство по общим правилам, но вынести решение с учетом положений, предусмотренных ч. 5 ст. 317.7. УПК РФ.

Процессуальный механизм благоприятствования защите при отправлении правосудия при ускоренных производствах позволит минимизировать последствия усеченности действия принципов уголовного судопроизводства, гарантирует максимальное соблюдение прав и свобод лиц, привлекаемых к уголовной ответственности, и защитит личность от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения и ограничения ее прав и свобод. Эта задача приобретает тем более важное значение в тех формах отправления уголовного правосудия, при которых признание вины и оказание содействия и сотрудничества в установлении подлежащих доказыванию обстоятельств имеет существенное право-вое и процессуальное значение.

Литература:

1. Александров А.С. Принципы уголовного судопроизводства // Правоведение. 2003. № 5.
2. Александров А.С. Подход к преодолению противоречия в законе, регламентирующего заключение и реализацию досудебного соглашения о сотрудничестве по уголовному делу // Уголовное право. 2011. № 1.
3. Владимиров Л.Е. Учение об уголовных доказательствах. Тула: Автограф, 2000. 463 с.
4. Зуев Ю.Г. Обжалование процессуальных решений по делу в связи с наличием досудебного соглашения о сотрудничестве // Уголовный процесс. 2012. № 3.
5. Качалова О.В. Теоретические основы ускоренного производства в Российской уголовном процессе. М.: Юрлитинформ, 2015. 202 с.
6. Качалова О.В. Доказывание при сокращенной форме дознания // Уголовный процесс. 2013. № 6.
7. Курченко В.И. Ошибки при рассмотрении уголовных дел в случае наличия досудебного соглашения о сотрудничестве // Уголовный процесс. 2012. № 3.
8. Лазарева В.А. Вопросы доказывания в свете идеи формирования института следственных судей // Библиотека криминалиста. Научный журнал. М.: Юрлитинформ. 2015. № 4 (21). С. 20–26.
9. Михайлова И.Б. Цели, функции и принципы российского уголовного-судопроизводства (уголовно-процессуальная форма). М., 2003. С. 117–118.
10. Михеенкова М.А. Благоприятствование защите [*favor defensionis*] и его проявление в современном уголовном процессе: монография. М.: Юрлитинформ, 2014. 227 с.
11. Петрухин И.Л., Батуров Г.П., Морщакова Т.Г. Теоретические основы эффективности правосудия / отв. ред. Г.П. Батуров. М.: Наука, 1979.
12. Стойко Н.Г. Уголовный процесс западных государств и России. СПб., 2006. 261 с.
13. Терновский Н.А. Юридические основания достоверности доказательств. 1901 год. Тула // цит. по: М.: Зерцало, 2007. 207 с. // СПС «Гарант».
14. Томин В.Т. Уголовный процесс. Актуальные проблемы теории и практики. М.: Юрайт, 2009. 376 с.
15. Яблочкин М.Т. «Бремя утверждения» (*onus proferendi*) в гражданском процессе. Петроград, 1916.
16. Принципы совершенного российского уголовного судопроизводства: монография / коллектив авторов, науч. ред. И.В. Смолькова, отв. ред. Р.В. Мазюк. М.: Юрлитинформ, 2015. 382 с.

²¹ См.: Александров А.С. Подход к преодолению противоречия в законе, регламентирующему заключение и реализацию досудебного соглашения о сотрудничестве по уголовному делу // Уголовное право. 2011. № 1. С. 54–57.